

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА В РЕАЛИЯХ 21-ГО ВЕКА

А.И. Чистобаев, д.г.н., профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле

Судьба уготовила мне быть знакомым со Львом Николаевичем Гумилевым на протяжении более четверти века, работать вместе на научном поприще и даже быть его начальником. Мало того, мы – земляки по Бежецкому району, где прошли наши детские и юношеские годы; и хотя те годы не совпали во времени, но сказались на схожем восприятии пространства и уклада жизни населения, позитивно отразились на формировании наших отношений. Вспоминаю, как после прочтения лекций для студентов вечернего отделения мы шли пешком до метро и рассуждали о науке и жизни, как совместно участвовали в работе диссертационного совета. В 1986-м году мне выпала доля стать директором НИИ географии ЛГУ–СПбГУ и руководителем научно-исследовательской лаборатории, где Лев Николаевич работал с 1965-го года. Именно в это время особенно укрепились наши контакты: я был официальным научным руководителем аспиранта К.П. Иванова, который внес заметный вклад в развитие учения Гумилева об этносах и, по праву, считается одним из наиболее продвинутых его учеников [1, 2].

В силу сложившихся жизненных обстоятельств Гумилев обычно уклонялся от публичных оценок политического курса страны, на обращенные к нему вопросы по этому поводу отвечал так: “Я изучаю историю до 17-го века”. И только в узком кругу друзей он откровенно оценивал происходящие в стране и Мире события, роль лиц, принимающих управленческие решения. А когда дело касалось судьбы Отечества, то великий его гражданин действовал решительно и смело. Так, по принятию решения о вводе советских войск в Афганистан он предпринял попытку убедить политиков в неправомерности этого шага, прочел в соответствующей инстанции лекцию на злободневную тему, но не был понят – его поблагодарили и сказали, что думают иначе. С большой настороженностью им было воспринято появление у руля государства известных политических деятелей, оказавших, по мнению политологов, негативное воздействие на геополитическую ситуацию в мире. Именно в то время Гумилев актуализировал теорию евразийства, говорил о единственно верном евразийском пути развития для большинства стран постсоветского пространства [3]. И это было в то время, когда тогдашние правящие круги предприняли курс на вестернизацию, когда российские младореформаторы наивно заявляли: “Запад нам поможет”. В противовес этим установкам звучали ставшие крылатыми слова Гумилева: “Мы Запад любим, а он нас нет”.

Предпринятые Россией шаги по сближению геополитических курсов, созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока обернулись другой стороной: НАТО приблизилась непосредственно к государственной российской границе, на территориях бывших сателлитов – стран-участниц Варшавского договора – созданы военные базы НАТО. Не сумев прорваться к Хартленду (Центральная Азия) посредством провоцирования цветных революций в республиках Средней Азии, США прибегли к штурму России со стороны Грузии, Молдавии, Украины. В едином блоке с американцами действуют в ущерб себе и другие европейские страны, исключая Белоруссию и Сербию.

В свете сказанного убедительно звучат слова Гумилева о том, что “западникам” свойственна вера в возможность и всемогущество “пересадки” общественных менталитетов, то есть совокупности поведения людей и их представлений о жизни, о том, что “западный” человек стремится организовать мир, исходя не из души, а из вещного мира. В образе мышления “западника” лежит пренебрежение “духом ландшафта”, притупленное или

ослабленное внимание к первоизданной природе, оценка всего и вся на свой манер и отбрасывание всего того, что не находит соответствия его представлениям о жизни, культуре поведения человека в обществе [4]. В результате силового навязывания “демократии” в далеких от северо-американского континента странах – Афганистане, Вьетнаме, Ираке, Ливии, Сирии, Югославии и др. – погибли миллионы людей, обострились социальные проблемы.

В отличие от западных геополитических школ концепция евразийства исходит из понимания государства как географического феномена: возникновение этноса как системы продиктовано конкретными природными условиями, под воздействием которых складывается стереотип поведения, определяющий специфику формирования этнической системы. Свойственное Евразийскому пространству разнообразие лесостепных ландшафтов, по Гумилеву, не препятствует, а, наоборот, благотворно влияет на этногенез проживающих здесь народов – каждый находит себе применение и милое ему место: русские – речные долины, угро-финны – водоразделы, турки и монголы – степь, палеоазиаты – тундру [5]. Соответственно, в странах и регионах складывается специализация хозяйства, возникают кооперированные связи, формируются территориально-производственные комплексы (кластеры), модернизируются жизненные уклады. В конечном счете все это ведет к повышению доли креативного населения, устойчивому росту экономики, взаимопроникновению традиций и взаимообогащению культур. Обратный процесс, то есть упрощение связей до простого обмена, то есть “экспорт – импорт”, обуславливает дезинтеграционные тенденции в экономике, ведет к разрушению этнической целостности.

Народам Евразии свойственны такие черты, как взаимная терпимость и общность интересов. Вместе с тем и здесь могут быть и в реалиях присутствуют националистические настроения, но и они выступают не только как повод для возможных столкновений, но и как повод для проявления устремлений к взаимодействию. Важнейшим фактором образования на добровольных началах экономических объединений, интеграции национальных экономик в единый (общий) рынок, способный обеспечить защиту от внешних конкурентов и удовлетворение внутренних интересов, является экономическая целесообразность. Суть ее состоит в стремлении не к расширению государственных границ, а к созданию общих энергопроизводственных циклов, единого геополитического, экономического и экологического пространства. Не многовекторность политического курса, сулящая, на первый взгляд, экономические выгоды, а консолидация деятельности в сферах производства, экологии и геополитики обеспечит синергетический эффект, конкурентоспособность стран и регионов.

Выбор геополитического вектора затрагивает интересы не только государства в целом, а и структур местного самоуправления, ибо целевые функции геополитики состоят как в обеспечении политического курса страны, так и в стратегировании пространственного развития и региональной политики на всех уровнях управления [6]. Верный геополитический курс может быть установлен в результате учета всех факторов устойчивого развития: демографического, психологического, этнического и конфессионального, идеологического, экономического, туристического, виртуального. Игнорирование одного фактора в угоду другому (например, экономическому) нарушает системность в государственном и муниципальном управлении и, как следствие, обуславливает возникновение новых проблем.

Мировая политика основывается на классических геополитических концепциях, созданных в рамках национальных геополитических школ [7]. Наиболее известна германская школа (основатели: Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, Р. Челлен), для которой длительное время было характерно националистическое направление, стремление к расширению территории, к захвату ресурсов жизнеобеспечения; в настоящее время постулаты этой школы используются украинскими националистами, а сама Германия стала относительно слабым звеном в глобальной геополитике. Основатели французской геополитической школы (Э.

Реклю, В. де ла Блаш, Ж. Ансель) рассматривали Германию как главную угрозу миру в Европе; соперничество с этой страной за лидерство в Европе характерно и для современной геополитики Франции. Главным идеологом итальянской националистической и военно-стратегической школы был Муссолини, ныне эта школа утратила свою былую роль. Выразитель английской школы Х. Маккиндер считал Евразию центром глобальных политических процессов, ему принадлежит учение о хартленде (“срединная земля”), суть которого он выразил в краткой фразе: “кто владеет хартлендом, тот правит миром”. Основатель американской школы геополитики адмирал США А. Мэхэн придавал большое значение господству на море, ратовал за блокирование с моря России и Китая, что истощило бы силы противника; этот “принцип анаконды” и ныне определяет вектор американской геополитики. Идеолог евразийства П. Савицкий, как и его соратник и друг Гумилев, рассматривали Евразию как особую цивилизацию, духовно-историческую реальность, в основе которой лежит принцип комплементарности населяющих ее народов.

Классические геополитические концепции проходят ныне проверку временем. В отличие от предыдущих эпох резко усилилось действие виртуального фактора, направленного на зомбирование населения и использования его для служения интересам “золотого миллиарда”. Но народы большинства стран уже осознали пагубные последствия для себя политики глобализации, выступают за многополярный Мир.

В современном геополитическом движении очевидна прозорливость Гумилева, определившего восточный вектор развития России и близких к ее народам по ментальности населения Белоруссии, восточных и южных регионов Украины, а также Казахстана и ряда других стран на постсоветском пространстве. Становится все более очевидной консолидация и некоторых других азиатских, латиноамериканских и африканских стран (ШОС, БРИКС и др.). Путь евразийства тернист и ухабист, но другого нам не дано.

Список использованной литературы и данных:

1. Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб.: СПбГУ. 1998. 216 с.
2. Чистобаев А.И. Этнологи, опередившие свое время (к 90-летию Л.Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова). СПб.: СПбГУ. 2002. 134 с.
3. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 14 – 25.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ. 1989. 496 с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПбГУ.: Юна. 1992. 272 с.
6. Чистобаев А.И. Евразийство и неоевразийство в геополитике Российской Федерации // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / Материалы междунар. науч. конф. Ижевск: Удм. ГУ. 2021. С. 23 – 29.
7. Чистобаев А.И. Трансформация классических геополитических концепций в меняющемся Мире // Политическая география и геополитика: исторический опыт и современность / Материалы междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУ – ВВМ. 2021. С. 32 – 47.

ЛАНДШАФТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРАЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.Н. ГУМИЛЁВА

Шлюпиков М.В., к.и.н., доцент

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, ассоциированный профессор
кафедры всемирной истории и международных отношений

Шлюпикова М.М., магистр экологии и природопользования

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, аспирант географического
факультета (РФ, г.Москва)

Проблема взаимодействия человека и природы в исторической ретроспективе привлекала и привлекает всё большее внимание историков, географов, этнологов. Окружающая среда: лесная, лесостепная, степная, полупустынная, горная, речных долин и